

Краснощёков Евгений Владиславович

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ С ПОМОЩЬЮ МЕСТОИМЕНЕЙ

В предлагаемой статье раскрывается роль личных местоимений для выражения категории притяжательности в тюркских языках. Несмотря на большое сходство при использовании местоимений для выражения этой категории, в отдельных языках существуют некоторые особенности, отличающие их друг от друга. Кроме того, притяжательность в этих языках может быть выражена и другими местоимениями. Основное внимание акцентируется на сходстве и различии в выражении притяжательных отношений в языках этой группы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 113-118. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

TYPES OF SEMANTIC STRUCTURES OF THE GERMAN COMPOUND WORDS

Kolpakova Galina Vasil'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
Galina.Kolpakova@kpfu.ru

The article deals with the types of the semantic structures of the German customary and occasional expressive compound words. The status of occasional compounds is defined on the basis of the criteria of system and belonging to the vocabulary of the language. The classification of the German expressive compound words is carried out according to the given criteria. The notion of "the model of the compound word expressive semantics formation" is described. Customary expressive compound words are regarded as system stable (vocabulary) units and occasional expressive compound words are system unstable (non-vocabulary) units.

Key words and phrases: expressive semantics; compound word; customary; occasional; polysemy; model of expressiveness formation.

УДК 81.366 (5)

Филологические науки

В предлагаемой статье раскрывается роль личных местоимений для выражения категории притяжательности в тюркских языках. Несмотря на большое сходство при использовании местоимений для выражения этой категории, в отдельных языках существуют некоторые особенности, отличающие их друг от друга. Кроме того, притяжательность в этих языках может быть выражена и другими местоимениями. Основное внимание акцентируется на сходстве и различии в выражении притяжательных отношений в языках этой группы.

Ключевые слова и фразы: притяжательность; личные местоимения; притяжательные местоимения; аффиксы принадлежности; родительный падеж; синтаксический способ.

Краснощёков Евгений Владиславович, к. пед. н., доцент
Инженерно-технологическая академия ЮФУ
judgin58@mail.ru

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ С ПОМОЩЬЮ МЕСТОИМЕНИЙ[©]**

Категория принадлежности в тюркских языках может выражаться различными способами. Наиболее широко распространенным является использование аффиксов принадлежности, но так как эти аффиксы имеют местоименное происхождение [12, с. 87; 13, с. 167; 19, с. 71-72; 22, с. 23; 27, с. 98], то мы считаем необходимым рассмотреть роль местоимений в выражении этой категории в тюркских языках.

Тюркская семья языков достаточно многочисленна, в нее входит большое количество тюркских народов, народностей, наций и групп, которые проживают в настоящее время на бывшей территории СССР, а также в Турции, Иране, Афганистане, Монголии, Китае, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании.

Говоря о выражении категории принадлежности в тюркских языках с помощью местоимений, мы имеем в виду в первую очередь личные и притяжательные местоимения, так как именно эти местоимения играют большую роль в выражении притяжательных отношений.

Здесь следует отметить, что некоторые ученые-тюркологи (Н. К. Дмитриев, А. А. Юлдашев) не употребляют непосредственно термин «притяжательные» местоимения. У Дмитриева мы находим: «...русским притяжательным местоимениям по-башкирски (как и вообще в тюркских языках) соответствуют различные грамматические величины: 1) аффиксы принадлежности [5, с. 54], 2) родительные падежи личных местоимений [Там же, с. 58], 3) те же родительные падежи личных местоимений, оформленные специальным аффиксом *кы/ке...*» [Там же, с. 108]; у Юлдашева – «Местоимения, называемые притяжательными, образуются путем присоединения афф. *-ныкы/-неке, -зыкы!/-зеке, -дыкы/-деке* к личным и другим местоимениям, например: *минеке* 'мой, принадлежащий мне', *хинеке* 'твой, принадлежащий тебе' и т.д.» [28, с. 160]. Таким образом, термин «притяжательные» местоимения по отношению ко всем тюркским языкам может быть использован, по-видимому, лишь условно.

Так, в башкирском языке принадлежность может выражаться с помощью самостоятельных слов-определений, которые представляют собой не что иное, как формы, производные от родительного падежа личных местоимений: *минек* (мой) от *мин* (я), *хинек* (твой) от *хин* (ты), *унык* (его) от *ул* (он), *беззек* (наш) от *без* (мы), *hezzek* (ваш) от *hez* (вы), *уларзык* (их) от *улар* (они) [5, с. 58].

Этот способ (*минек ат*) по своей структуре находится ближе всего к русской и немецкой формам выражения принадлежности (мой конь, *mein Pferd*). В 3-м лице обоих чисел этот тип фактически не употребляется.

В башкирском языке существуют формы: *минек-ке, хинек-ке, унык-кы, беззек-ке, hezkek-ке, уларзык-кы*, по значению и употреблению вполне соответствующие особым формам притяжательности, имеющимся

в западноевропейских языках: ср. франц. *le mien, le tien, le sien* и т.д., нем. *dermeine (dermeinige), derdeine (derdeinige), derseine (derseinige)* и др. [Там же, с. 109].

Формы типа *минеке* склоняются, причем характерно, что в косвенных падежах выступает основа с дополнительным *и* (т.е. *минекен* – и т.д.), что дает поразительное сходство со склонением основ, имеющих аффикс принадлежности 3-го лица [Там же, с. 64-65]. Таким образом, эти формы выступают как типичное местоимение-существительное, тогда как формы типа *минең* должны быть отнесены к местоимениям-прилагательным, поскольку они могут стоять только перед существительными, так как *минеке* употребляется только как местоимение-существительное. Более конкретно: башкирские местоимения типа *минеке* никогда не могут быть определениями перед существительными (нельзя, например, сказать *минеке китап* – моя книга), а могут быть: или сказуемым (ср. *был китан минеке* – эта книга моя), или дополнением, или обстоятельством. Примеры местоимения типа *минеке*: башк. *дөрөсөнәйткәндә һинекенә ышапыс аз*. Юк, *минеке ундай тугел* (откровенно говоря, к твоему мало доверия. Нет, мой – не таков), *уларзың эше һеззекенәң әһәмәтлерек* (их дело важнее вашего), *хэзер инде мин һинеке, һин минеке булдың* (теперь я стала твоей, а ты стал моим), *бвззекеләр килде* (наши приехали) [Там же, с. 110].

В кумыкском языке показателями отношений принадлежности выступают личные местоимения в родительном падеже, соответствующие притяжательным местоимениям русского языка; формы имен при этом остаются неизменными (без аффиксов принадлежности). Этот способ называют синтаксическим, так как предмет обладания и обладатель в этом случае обособлены: *бизин ат* 'наш конь', *сизин ат* 'ваш конь'. Где *бизин* 'наш', *сизин* 'ваш' – личные местоимения в родительном падеже, *ат* 'конь' – именная часть речи [6; 8, с. 34; 17, с. 61; 24, с. 19].

Личное местоимение в родительном падеже соответствующего лица (синтаксический способ) может ставиться перед формами имен с аффиксами принадлежности (морфологический способ). Например, в словосочетании *мени атым* 'мой конь' лицо и число обладателя уже выражены в местоимении *мени*, тем не менее, дополнительным показателем лица и числа выступает в этой фразе притяжательный аффикс *-ым*, отсюда дословный перевод *мени ат-ым* 'мой конь-мой' [5, с. 59; 21, с. 99; 24, с. 19, 20].

В узбекском языке в качестве притяжательных местоимений используются личные местоимения в форме родительного падежа. Принадлежность объекта субъекту выражают либо одними аффиксами принадлежности: узб. *mānin uj* 'мой дом'; *sānin uj* 'твой дом'; *unin uji* 'его (ее) дом'; либо при помощи выделительно-определяющего местоимения *уз* в сочетании с формой принадлежности опорного компонента [12, с. 56].

В чувашском языке для выражения притяжательности обычно используются аналитические формы: сочетание личного местоимения в притяжательном падеже и определяемого имени, например: *манан куçăмран*. Аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица выступают главным образом для передачи различных эмоциональных оттенков: нежности, уважения, вежливости и т.д. [14, с. 14].

В туркменском языке принадлежность может быть выражена с помощью родительного падежа личных местоимений в конструкции с существительным: *men-iň, sen-iň, on-uň, biz-iň, siz-iň, olar-uň*.

Как правило, наличие родительного падежа предполагает его обязательное согласование с аффиксами принадлежности, а именно: если есть родительный падеж, то в последующем ряду слов должен быть выражен согласующийся с ним по лицу аффикс принадлежности. Ср. *men-iň kitab-um* 'моя книга', *sen-iň kitab-uň* 'твоя книга', *Çary-nuň kitab-u* 'книга Чары', *biziň kitab-umyz* 'наша книга', *siziň kitab-uňuz* 'ваша книга', *olaruň kitab-u* 'их книга' [4, с. 35].

В азербайджанском языке местоимения обычно замещают существительные, прилагательные и наречия. Местоимения отчасти отражают особенности той части речи, которую они заменяют, например: *Кэримин сезлэри ачыг-ајдын Зејнэбэ хош кэлмирди. Она авлащылмаз, јабанчы керунурду; ону чурбэчур шубнэ-лэрэ салырды* (М. Ибрагимов) [26, с. 77] / Слова Керима откровенно не нравились Зейнаб. Ей они казались непонятными и чуждыми, вызывали в ней разные сомнения.

Часть местоимений склоняется, принимает аффиксы числа и принадлежности. Родительный падеж местоимений выражает принадлежность и отношение и употребляется вместе с определяемым после него словом, оформленным аффиксом принадлежности, например: *мэним китабым* – моя книга, *сэнин китабын* – твоя книга, *онун китабы* – его, ее книга, *базам китабыиш* – наша книга, *сизин китабыныз* – ваша книга, *онларын китаб(лар)ы* – их книга.

В первом и втором лицах множественного числа возможно употребление форм как с аффиксом принадлежности: *бизам кучэмаз* – наша улица, *бизим тэшка-латымиз* – наша организация, *сизин трестиниз* – ваш трест, *сизин отарыныз* – ваша комната, так и без него: *бизим куад* – наша улица, *бизим тэшкилат* – наша организация, *сизин трест* – ваш трест, *сизин отаг* – ваша комната.

Ко всем личным местоимениям в родительном и местном падежах может присоединяться аффикс относительности *-кы, (-ки, -ку)*, и тогда образуются субстантивированные притяжательные местоимения, которые обозначают предмет, называемый в речи, и заменяют его название, например: *бу мэним китабымдыр* – это моя книга; *бу, мэнимки-дир* – это мое... [Там же, с. 80].

Указательные местоимения *белэ, елэ*, не изменяясь, субстантивируются и принимают аффиксы принадлежности и множественного числа при использовании в качестве вторых компонентов именных словосочетаний. Часть вопросительных местоимений склоняется и тоже принимает притяжательные аффиксы, например: *Бу китабларын һансыны истәјирсиниз?* / Какую из этих книг вы хотите?; *Бу һејкэлин һарасы сизэ хош кә-лио?* / Что в этом памятнике вам нравится? [Там же, с. 85-86].

Возвратные местоимения образуются путем прибавления к местоимению *өз* (сам, свой) аффиксов принадлежности (*-ум/-ун/-у; -умуз/-унуз; -лар-и*) и выполняют функцию выделения, подчеркивания лица или предмета. Они могут употребляться вместо личных местоимений, например: *өзүм* – 'я сам', *өзүн* – 'ты сам' [Там же, с. 86].

В турецком языке принадлежность также может быть выражена с помощью личных местоимений в родительном падеже [11, с. 73-74]. В этом случае они соответствуют русским притяжательным местоимениям *‘мой’, ‘твой’* и т.п., но в отличие от аффиксов принадлежности имеют самостоятельное употребление.

При этом личные местоимения в родительном падеже предшествуют в качестве определения именам с аффиксами принадлежности. Например: *benim doktorum* 'мой врач', *onun kitapları* 'его книги', *onların kitapları* 'их книги', *onların kitabı* 'их книга'.

Идея принадлежности передается [Там же, с. 76] сочетанием притяжательной формы личных местоимений с названием предмета обладания: *benim baba* 'мой отец'; *senin ana* 'твоя мать' и т.п. Этот способ неупотребителен в 3 л. мн. ч., нельзя сказать *onların kitap(lar)*; обязательно: *onların kitap(lar)ı* 'их книга/-и'.

Для выражения принадлежности с именами собственными также употребляются личные местоимения, если отсутствует уменьшительно-ласкательный аффикс *-cik*, например: *benim Orhan`cigim*.

Местоимение в родительном падеже (т.е. в притяжательной форме) может оказаться в положении сказуемого, выражающего принадлежность при подлежащем, которое выражает название предмета обладания: *bu defter benim(dir)* 'эта книга моя'; *su kitap kimin(dir)?* 'та тетрадь чья?'; *bu kitap senin olsun* 'эта книга пусть будет твоей'; *bu şapka kardeşimin de-ğil(dir)* 'эта шляпа не моего брата' [Там же, с. 77].

В гагаузском языке в значении притяжательных местоимений выступают личные местоимения в родительном падеже: *бен-им* 'мой'; *сен-ин* 'твой'; *ои-ун* 'его', 'ее'; *биз-им* 'наш'; *сиз-ин* 'ваш'; *он-иар-ын* 'их'.

Личные местоимения в местном падеже могут принимать аффикс *-кы, -ки* и в этом случае обозначают «находящийся у меня, тебя, него, нее» и т.д., а также «принадлежащий мне, тебе, ему, ей», т.е. могут служить синонимами притяжательных местоимений, например: ед.ч. *бен-де-ки* 'находящийся у меня', 'принадлежащий мне'; *сен-де-ки* 'находящийся у тебя', 'принадлежащий тебе'; мн.ч. *биз-де-ки* 'находящийся у нас', 'принадлежащий нам', *сиз-де-ки* 'находящийся у нас', 'принадлежащий вам' и т.д. [18, с. 127-128].

В качестве притяжательных местоимений со значением «свой», «собственный» выступают слова *кенди* и *өз*. Эти слова имеют значение притяжательных местоимений только будучи определением к имени существительному, которое при этом снабжено соответствующим аффиксом принадлежности (т.е. лично-притяжательным аффиксом) [Там же, с. 130].

В караимском языке принадлежность может быть выражена с помощью местоимений, так называемым аналитическим способом, т.е. сочетанием двух имен, где первым компонентом обычно выступает личное или указательное местоимение в форме родительного падежа, а предмет обладания выражен формой основного падежа (без аффикса принадлежности). Здесь строго сохраняется порядок слов: 1-е местоимение, 2-е существительное. Следует оговорить, что подобное сочетание возможно лишь с личными местоимениями первых двух лиц в единственном и множественном числе. Личные местоимения в обоих числах в форме родительного падежа семантически полностью совпадают с русскими притяжательными местоимениями: *меним* 'мой', *сенин* 'твой', *анын* 'его', *бизнин (бизин)* 'наш', *сизнин (сизин)* 'ваш', *аларнын* 'их'. Поэтому в караимском языке вполне нормативны такие сочетания, как: *меним ана* 'моя мать', *сенин ана* 'твоя мать', *бизин ана* 'наша мать', *сизнин (сизин) ана* 'ваша мать'. В этом отношении караимские личные местоимения 1-го и 2-го лица отличаются от таковых в ряде других тюркских языков. Например, в казахском языке возможно притяжательное сочетание указанного типа лишь в 1-м и 2-м лице множественного числа – *біздің ат* 'наша лошадь', *Сіздің ауыл* 'ваш аул' – и невозможно подобное сочетание в единственном числе всех трех лиц и во множественном числе третьего лица. Неупотребительно такое притяжательное сочетание также и в том случае, если личные местоимения 1-го и 2-го лица, оформленные аффиксом родительного падежа, имеют аффикс множественного числа (*-лар*), например, *біздердің ат, сіздердің ауыл*.

В караимском языке употребительны также сочетания типа: *бу – меним* 'это мой', *бу – сенин* 'это твой', *бу – анын* 'это его', *бу – бизнин (бизин)* 'это наш' и т.д. Личные местоимения в родительном падеже под сильным влиянием окружающих славянских языков претерпели большое изменение и превратились в притяжательные [15, с. 137].

В караимском языке функцию сказуемого могут выполнять притяжательные местоимения, образованные от личных местоимений при помощи формы родительного падежа. Таким образом, по-караимски говорят не *бу – меники*, а *бу – менин* 'это мой', не *бу – сенинки*, а *бу – сенин* 'это твой' и т.д. [Там же, с. 138].

В карачаево-балкарском языке принадлежность также может выражаться формой личного местоимения в родительном падеже, например: *атым – мени атым* 'моя лошадь', *эгечинг – сени эгечинг* 'твоя сестра', *мени тонум* 'моя шуба', *сени ишинг* 'твое дело', *сени кызынг* 'твоя дочь', *бизни юйюбюз* 'наш дом' [25, с. 39].

Самостоятельные притяжательные местоимения образуются посредством прибавления к личным местоимениям и именам существительным в родительном падеже аффикса *-кы (ки), -гы (ги)*. Например: *меники – ‘мой’, сеники – ‘твой’, аныкы – ‘его’, бизники – ‘наш’, сизники – ‘ваш’, аланыкы – ‘их’*.

Они имеют значение французских местоимений *le mien, le tien, le sien, le notre, le votre, le leur*.

В случае если нужно выразить грамматически определение, то это передается не самостоятельным притяжательным местоимением, а родительным падежом и притяжательным местоименным аффиксом. Например: *бумени книгамды – ‘это моя книга’* [Там же, с. 40].

В каракалпакском языке личные и лично-притяжательные местоимения соединены в одну группу не только потому, что те и другие имеют один и тот же корень, но и потому, что они как в семантическом плане, так и по генезису представляют собой единую группу местоимений. Более того, лично-притяжательные местоимения, представляя собой форму родительного падежа личных местоимений, образуют скорее грамматическую атрибутивно-определяющую форму, чем самостоятельную семантическую категорию [2, с. 260].

Лично-притяжательные субстантивные местоимения: *меники* 'то, что принадлежит мне'; *сеники* 'то, что принадлежит тебе'; *оники* 'то, что принадлежит ему'.

Лично-притяжательные определительные формы местоимений: *меним аттым Базармас* 'мое имя Базармас', *бизинь кьудамыс* 'наш сват'.

Сложные личные местоимения, как и простые, изменяются по падежам.

Аффикс, образующий лично-притяжательные субстантивные формы местоимений, может быть присоединен и к указательным, и к вопросительным, и к прочим местоимениям, образуя соответствующие субстантивные формы [Там же, с. 264-266].

В якутском языке «категория принадлежности может быть выражена также при помощи особых притяжательных местоимений» [3, с. 127]: *миэнэ* 'мой', *эйиэнэ* 'твой', *киниэнэ киэннэрэ* 'их'. Как отмечает Н. Е. Петров, притяжательные местоимения в якутском языке восходят к личным местоимениям [Там же, с. 210].

В якутском языке притяжательные местоимения в роли определения требуют присоединения к определяемому аффиксов принадлежности: *миэнэ обом* 'мой ребенок, у меня ребенок', *эйиэнэ обон* 'твой ребенок', *киниэнэ обото* 'его ребенок', *биһиэнэ обобут* 'наш ребенок', *эһиэнэ обобут* 'ваш ребенок', *кинилэр киэннэрэ оболоро* 'их ребенок'. Притяжательные местоимения всегда связаны с каким-либо определенным лицом, например, *миэнэ обот* указывает на то, что объект принадлежит мне, т.е. первому лицу, тем самым сфера употребления притяжательных местоимений ограничена.

Притяжательные местоимения в якутском языке употребляются во всех падежах.

В тех случаях, когда притяжательное местоимение выступает в предложении в качестве определения, притяжение имеет два показателя: с одной стороны, в виде притяжательного местоимения, с другой – в виде аффикса принадлежности (*миэнэ обом*).

Притяжательные местоимения могут употребляться и в роли сказуемого, когда требуется подчеркнуть принадлежность какому-нибудь определенному лицу: *Бу дьуэ-биһиэнэ* 'Этот дом наш'. *Бу кинигэ миэнэ* 'Эта книга моя'. Может употребляться также в роли сказуемого в составе сложного сказуемого: *Бу дьуэ биһиэнэ буолар* 'Этот дом наш' [Там же, с. 127].

В хакасском языке на притяжательность (посессивность) также могут указывать личные местоимения в притяжательном падеже, в предложении они являются определениями, снабженными аффиксами принадлежности. В этом случае личные местоимения имеют значение притяжательных. Притяжательные местоимения бывают двух типов.

1. Притяжательно-определяющие местоимения представляют собой форму притяжательного падежа личных местоимений. В предложении они выступают главным образом в функции определения другого имени и отвечают на вопросы *кемниң* 'чей?', *нимениң* 'чего?', *кемнерниң* 'у кого?', *нимелерниң* 'у чего?' [1, с. 153].

2. Притяжательно-предикативные местоимения состоят из основы личного местоимения в притяжательном падеже и аффиксов отношения *-хы/-ки*, *-гы/-ги*, в предложении они употребляются главным образом в функции сказуемого, отвечают на вопросы *кемни?* 'чей?' 'чья?', 'чье?', *нимени?* 'чего?', 'чему принадлежащий?' [Там же, с. 154].

Категория принадлежности иногда может выражаться формой притяжательного падежа личных местоимений, стоящих в позиции определения. Определяемое (предмет обладателя) в этом случае аффиксами принадлежности не оформляется. Такой способ встречается обычно в 1-м лице множественного числа. Например: *Пистиң чон аң-хустың чахсызын тикке үредер чоҕыл* 'Наш народ без необходимости не истребляет лучших зверей и птиц' [Там же].

В тофаларском языке местоимения замещают все основные части речи: существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол [20, с. 254]. Личные и лично-притяжательные местоимения входят в группу субстантивных местоимений.

В тофаларском языке наблюдается частая субстантивация адъективных указательных местоимений *бо* 'это, эта, этот', *ол* 'то, та, тот', *тээ* 'то, та, тот', выступающих вместо личных. Субстантивные местоимения, как личные (*мен* 'я', *сен* 'ты', *биьс* 'мы', *силер* 'вы'), так и субстантивированные указательные местоимения, часто в форме личной принадлежности (*ему* 'он', т.е. 'тот, твой', *обус* 'он', т.е. 'тот наш', *оларың*, 'они', т.е. 'те твои') имеют те же словоизменительные категории, что и имена существительные, а именно: категорию падежа, притяжания, числа, сказуемости, например: *бо мен* 'это я', *биьске* 'нам', *мендэн* 'от меня', *сендэ* 'у тебя', *бом* 'это мое', *кумуң бар?* 'кто у тебя есть?'. Поэтому все субстантивные и субстантивированные личные местоимения склоняются и принимают показатели личной принадлежности. При этом порядок склонения и оформления аффиксами лица общий и зависит от фонетических причин. Показателей личной принадлежности, как исключение, не принимают лишь личные местоимения: *мен* 'я', *сен* 'ты', *оң* 'он', *биьс* 'мы', *силер* 'вы', *оларың* 'они'.

Притяжательно-предикативные местоимения в тофаларском языке отсутствуют [Там же, с. 256-257].

В тувинском языке притяжательные местоимения представляют собой родительный падеж личных местоимений, например: *мен* – *я* > *мээң* – 'мой', *сен* – *ты* > *сээң* – 'твой', *ол* – *он* > *ооң* – 'его', *бис* – *мы* > *бистиң* – 'наш', *силер* – *вы* > *силерниң* – 'ваш', *олар* – *они* > *оларның* – 'их' [9, с. 216-217].

От формы родительного падежа личных местоимений в тувинском языке образуется притяжательная форма личных местоимений: *мээңи* 'мой', *сээңи* 'твой', *ооңу* 'его', *бистиңи* 'наш', *силерниңи* 'ваш', *оларныңи* 'их'.

Притяжательная форма личных местоимений, указывая одновременно и на предмет и на лицо, обладающее этим предметом, употребляется без существительного, напоминая субстантивированные прилагательные, у которых определяемые существительные опущены, но подразумеваются, например: *мээң карандажым кара*; *сээңи болза көк-тур* 'мой карандаш черный, а твой синий'. Здесь из контекста ясно,

что *сээңиш* 'твой' означает *сээң карандажың* 'твой карандаш'. Притяжательная форма личных местоимений большей частью употребляется в качестве сказуемого, например: *бо бажың бистаи, дөө бажың силерниш* 'этот дом наш, тот дом ваш'; *столда чыткан кылын ном мээңиш* 'толстая книга, лежащая на столе, моя'; *бо кыдырааш сээңиш* 'эта тетрадь твоя' и т.д. [Там же, с. 220].

В уйгурском языке притяжательные местоимения образуются от личных местоимений с помощью аффикса родительного падежа *-ниң* или аффикса *-ники*. Например: *мэн – _я́*, *мениң – _мой*, *у – _он*, *униң – _его*, *биз – _мы*, *бизниң – _наш*, *силэр – _вы*, *силэрники – _ваш* [10, с. 123].

В языке сарыг югуров (речь идет о народности юйгу, которые называют себя *сарыг югур* (*сарыҕ йуҕур*) *желтые уйгуры*), принадлежность также может быть выражена местоимениями. Как и в остальных тюркских языках, притяжательные местоимения здесь образуются от родительного падежа личных местоимений с помощью аффикса, в данном случае *-бы*. Например:

	Ед. число		Мн. число	
1-е л.	<i>мениңбы</i>	мой	<i>мыстерьныңбы</i>	наш
2-е л.	<i>сениңбы</i>	твой	<i>силерныңбы</i>	ваш
3-е л.	<i>кониңбы</i>	его, ее	<i>коларныңбы</i>	их

[23, с. 24].

В шорском языке личные местоимения могут занимать в предложении позицию притяжательного определения: *меень* (<*менинь*), *сеень* (<*сенин*), *аань* (<*анътъ*) и т.д. [7, с. 85].

Личные местоимения в притяжательном падеже имеют значение притяжательных и в форме притяжательного падежа являются определением другого имени и как имя непосредственно предшествуют в предложении определяемому. Например: *меень абий, силер-ок (слер-ок) ошкаш (дикаш) анъчы кижи* 'мой отец такой же охотник, как и вы'; *паза сеень чолынъа мен паспайын, меень чолыма сен паспа* 'больше на твой путь я не вступлю, на мой путь ты не вступай'.

Притяжательный падеж личных местоимений (с аффиксом *кы*) образует самостоятельные притяжательные местоимения: *мениийи, сениийи, аныйы, пистийи, силердийи ~ схердийи, ылар-дыйы ~ лардыйы*, которые могут изменяться по падежам:

Падеж	Ед. число	Мн. число
Осн. пад.	<i>мениийи</i>	<i>мениийилери (~ менийлери)</i>
Прит.	<i>мениийининь</i>	<i>мениийилерининь</i>
Напр.	<i>мениийинге</i>	<i>мениийилерине</i>
Вин.	<i>мениийин</i>	<i>мениийилерин</i>
Местно-врем.	<i>мениийинде</i>	<i>мениийилеринде</i>
Исх.	<i>мениийинень</i>	<i>мениийилеринень</i>

[Там же].

Форма самостоятельного притяжательного местоимения употребляется только в тех случаях, когда предложении определение стоит одно, без определяемого, которое может быть указано в первом или последующем предложении. Например: *мениийибге полбазын, сеень кӧнӧнинъме ползын* – 'пусть будет не по моему, а по твоему желанию пусть будет'; *кайдейин, слердийибге (силердийибге) да ползын-не* 'пусть будет по-вашему'.

Притяжательные местоимения в том случае, когда они являются в предложении определениями, оформляются в притяжательном падеже (от основы личных местоимений). Если же они являются сказуемым, то оформляются путем присоединения аффикса *ныйы/нийи, тыйы/тийи, дыйы/дийи*. Например:

- 1) *по кемнинъ кебези?* – *по меень кебем* чья это лодка? – это моя лодка;
- 2) *по кебе кемнийи?* – (*по кебе*) *мениийи* 'это лодка чья? – (это лодка) моя'.

Личные местоимения являются формантами спряжения имен и употребляются как аффиксы именного спряжения. Например:

тураа (~ турага) парарбыс 'мы поедем в город'; *мен нооны айттым, аны иштеп саларым* 'я что сказал, то и сделаю'; *сен пӱӱн ширгизин иштероксынъ* 'ты сегодня вечером также будешь работать' [Там же, с. 86].

В киргизском языке принадлежность выражается также с помощью притяжательных местоимений, которые представляют собой форму родительного (принадлежностного) падежа личных местоимений: *менин _мой*, *сенин _твой*, *силердин _ваш*, *алардын _наш* и т.д.

При образовании словосочетаний притяжательных местоимений с существительными, те в этом случае получают основные суффиксы притяжательных местоимений. Примеры: *менин атам _мой отец*, *сенин атаң _твой отец*, *мунун атасы _его (ее) отец*, *силердин атаңар _ваш отец*, *алардын атасы _их отец*, *биздин атабыз _наш отец*, *сиздин атаңыз _Ваш отец*, *биздердин атабыз _наши отцы*, *сиздердин атаңыздар _ваши отцы* [16, с. 57].

Таким образом, для выражения категории принадлежности в тюркских языках наряду с аффиксами принадлежности нередко используются личные и притяжательные местоимения, которые также представляют собой формы личных местоимений в родительном падеже. Видимо, ранее родительный падеж личных местоимений выполнял функцию притяжательных. Кроме того, в тюркских языках существуют и самостоятельные притяжательные местоимения, напоминающие по структуре европейские, в частности русские, французские или немецкие. Практически же во всех тюркских языках для выражения принадлежности используются личные местоимения в форме родительного падежа, обнаруживая при этом между собой большое сходство.

Наличие или отсутствие притяжательных местоимений в языках этой группы можно объяснить их окружением. Тюркские языки распространены на большой территории, и в процессе развития, контактируя со своими соседями, подвергались их влиянию. Так, в караимском языке личные местоимения в родительном падеже оказались под сильным влиянием окружающих славянских языков. В результате этих изменений личные местоимения превратились в притяжательные. В ед. и мн. числе в родительном падеже они семантически полностью совпадают с притяжательными местоимениями в русском языке. В якутском языке дальнейшего развития не получил родительный падеж, поскольку якуты были окружены тунгусо-манчжурскими племенами, в языках которых также не было родительного падежа. В свою очередь тюркские языки также оказывали влияние на развитие других языков, внося при этом изменения в их структуру.

В тюркских языках показатели (аффиксы) принадлежности могут принимать и другие виды местоимений. В этом случае аффиксы принадлежности обозначают грамматическое понятие и присоединяются к словам, выражая их грамматическое значение.

Список литературы

1. Баскаков Н. А. Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. 418 с.
2. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. Ч. I. Части речи и словообразование. 542 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка / под ред. Е. И. Коркина, Е. И. Убрятовой. М.: Наука, 1982. 495 с.
4. Грунина Э. А. Туркменский язык. М.: Восточная литература РАН, 2005. 288 с.
5. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. 276 с.
6. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. 205 с.
7. Дыренкова Н. П. Шорский язык. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1941. 306 с.
8. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. Ч. 2. Морфология. 335 с.
9. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.
10. Каидаров А. Т. Уйгурский (новоуйгурский) язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2. 530 с.
11. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. 569 с.
12. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 446 с.
13. Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 371 с.
14. Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
15. Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 343 с.
16. Нанаев К. Учебник Киргизского языка. Фрунзе: Кыргызмамбас, 1950. 365 с.
17. Ольмесов Н. Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Фонетика. Морфология [Электронный ресурс]. Махачкала: ДГУ, 2000. 280 с. URL: <http://кумыкский-язык.рф/olmesov2000/> (дата обращения: 10.04.2014).
18. Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.
19. Рамstedт Г. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 254 с.
20. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
21. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 285 с.
22. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1988. 559 с.
23. Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 82 с.
24. Уськин А. С. Лексико-грамматический класс имен (в русском и чувашском языках). Чебоксары: Чувашиздат, 1971. 116 с.
25. Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик: Кабардино-балкарское государственное издательство, 1940. 87 с.
26. Шералиев М. Ш., Севортян Э. В. Грамматика азербайджанского языка. Баку: Элм, 1971. 412 с.
27. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов 10-13 вв. из восточного Туркестана. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. 204 с.
28. Юлдашев А. А. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1981. 467 с.

POSSESSIVENESS CATEGORY EXPRESSION IN THE TURKIC LANGUAGES WITH THE HELP OF PRONOUNS

Krasnoshchekov Evgenii Vladislavovich, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Southern Federal University
judgin58@mail.ru

The article reveals personal pronouns role for expressing possessiveness category in the Turkic languages. In spite of strong resemblance in using pronouns for this category expression, there are certain peculiarities in some languages distinguishing them from each other. Besides, possessiveness in these languages can be expressed also by other pronouns. Special attention is paid to similarity and difference in expressing possessive relations in the languages of this group.

Key words and phrases: possessiveness; personal pronouns; possessive pronouns; affixes of belonging; genitive case; syntactic method.